

Романтики

Южный город шумел под белыми сентябрьскими звездами...

Мы научились по цвету дыма отличать английский уголь от антрацита, а по оснастке – шхуны от баркантин и трамбаки от барков. Их изъеденные червем кузова полощутся в крепком рассоле порта. Особенно хорошо и просторно бывает в дождь, когда дым прилипает к влажному молу и в камбузах беспечные коки варят крепкий кофе.

По вечерам бульвары розовеют от пыли и заката. Исполинской медалью светит луна, и надрываются скрипки под полосатой парусиной баров.

Ночь, как тихий фонарщик, зажигает огни, ветер гуляет по черному небу, и оскорбленно кричат пьяницы, вышвырнутые из кабаков...

Темнело. Город рокотал вдали трамваями, гудками пароходов, грохотом ломовых дрог – прекрасными звуками жизни...

Комната, улицы и пустые дворы пахли осенней листвой, и море шумело, как далекая память...

Жучок жил на кривой косе. Ехали к нему степью. На бахчах желтыми горами лежали перезревшие тыквы. Белая пыль дымила из-под копыт лошадей, над балками розовело ленивое солнце. Внизу лежало море, прозрачное, как расплавленное стекло...

Решили идти на Малую россыпь, к плавучему маяку – брандвахте...

С утра задула низовка. Море пенилось в шумело в красных берегах. Хлопали темные паруса. День, отлитый из желтого стекла, стоял над бахчами...

Я лежал, курил и ждал, когда солнце сядет в волнах и туманах там, далеко, у диких берегов Тавриды. Там, в вечерней мути, – седая Керчь, обрывы Киммерии, поросшие чабрецом, одинокие маяки на песчаных побережьях, а дальше – в солнце и дыму – нарядные порты, яркие лица женщин, океанские пароходы, пестрые иностранные флаги, запах богатых земель и преддверье архипелага

За окнами лежала площадь с голыми акациями. Высокими струями поднимались к небу пароходные дымы...

Город спал в пасмурном небе, в коротком солнце, в запахе рыбы. Загорались и потухали огни, звучали по тротуарам шаги, и в церквах звонили так осторожно, будто слепой перебирал четки...

Грязный свет нехотя сползал с рыхлых туч и, потягиваясь, брел по мокрому городу. Ветки акаций стали чернее, полил дождь. Воздух был наполнен монотонным плеском...

Остро сверкали огни на мостовой, звезды падали брызгами в ледяные лужи, пахло зимними свежими садами...

Море шумело то справа, то слева. Ночь подернулась тусклой синевой, светало. Вега пылала ярким огнем, и ватными шарами догорали фонари на волах...

Порт густо дымил. Приходили корабли из Ливерпуля и уходили в Трапезунд...

Днем мы пошли в Приморский сад. Гравий трещал под ногами, наши следы наливались водой...

Утром из заспанных и бесконечных вод встало воспаленное солнце, и мрачно загорелись под ним стекла капитанской рубки. От палубы шел пар, и море искрилось и синело до горизонта. Мы подходили к Старо-Николаевской косе...

Только что мы два часа говорили о керченской сельди, о бычках, о как сула идет в донские гирла, о браконьерах, коптильнях и рыбачьих елях...

Я рассказал о степях, о курганах, могильниках, о легендах, которые слышал с раннего детства в своих краях, об осени, когда красной ботвой и пеплом полыни запутаны степные тропки и море лижет пустынные нески.

Там я всегда вспоминаю пушкинские стихи: «Земли полуденной священные края...».

Я рассказал о Таганроге, городе белых акаций, сонном и чистом, на берегу бледного моря. В его душных садах всегда греет жаркое солнце, в игрушечной гавани около набережных, поросших одуванчиками, стоит на ржавых цепях разоруженный клипер «Запорожец»...

Вехи Таганрога. - № 73-74. – С. 49